

Песня 1868 года

«Нюрнбергские мастерзингеры» в Мюнхене

Коммерсант. - 2005. - 6 августа. - с 9

фестиваль театр

В Баварии завершился Мюнхенский театральный фестиваль (см. вчерашний и позавчерашний „Ъ“). Спектаклем закрытия стали «Нюрнбергские мастерзингеры» Рихарда Вагнера в постановке Томаса Лангхофа. За перипетиями средневекового музыкально-го конкурса, показанного как телевизионная «Песня года», следил специально для „Ъ“ АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ.

«Нюрнбергские мастерзингеры» — опера для Мюнхена особая. Ее премьера 21 июня 1868 года прошла на сцене того же Национального театра, где играется и сегодня. Опера, над которой Вагнер работал двадцать с лишним лет, принадлежит к числу редких просветленных произведений в его наследии. Добро здесь побеждает зло, масса комических сцен, а музыка порой напоминает французские кинохиты 50-х годов. Ради самого стремления написать комическую оперу прощаешь композитору годами преследовавшие его идеи фикс.

Либретто, как автор и хотел, получилось типично вагнеровским, подавляющим, с размытой структурой. В «Мейстерзин-

герах», как в хорошем интеллектуальном супермаркете, есть все: и любовь — обедневшего рыцаря и начинающего певца Вальтера (Стиг Андерсен) к красавице Еве (Адрианна Печенка), и воплощенная мудрость, претендующая на автопортрет, в виде Ханса Сакса (Ян-Хендрик Ротеринг). Есть самоотречение того же Сакса, понимающего, что молодая Ева любит не его. Есть, наконец, зависть посредственности. Самовлюбленный Сикстус Бекмессер в исполнении Айке Вильма Шульте — одна из лучших комических ролей европейского сезона. На его артистизме держится многое, а сцены с пультом от магнитолы или участие в певческом конкурсе с плеером на шее принадлежат к числу остроумнейших в спектакле.

Знаков современности в постановке Томаса Лангхофа немало. Одни сотворены залом: в публике хватает напуганных людей, которые вздрагивают от любого движения рядом и бегут к капельдинеру с требованием осмотреть сумку соседа: там что-то, кажется, тикает! Мне с трудом удалось отстоять право на неприкосновенность частной собственности и вернуться к конкурсу нюрнбер-

гских бардов. Они объединены по принципу ООО и одеты в фирменные майки (сценограф и художник по костюмам Готфрид Пильц), в доме Сакса уместны печатная машинка и дизайнерски выполненная реклама, а появление в финале экрана, куда видеокамера передает изображение певца, прямо как на стадионном концерте, и вовсе воспринимается как само собой разумеющееся. Надо же и таким, визуальным способом освобождать «Мейстерзингеров» от их славного нацистского прошлого. После 1933 года их исполнили на съездах партии вместо привычных нам сборных концертов. Гитлеру так полюбились однажды кичевые декорации оперы, что по всей Германии ее ставили практически в неизменном виде — прямо как нашего «Евгения Онегина», разве что еще с лесом вскинутых зрительских рук в финале.

Но есть в опере и нечто большее, чем комедия положений и груз исторических интерпретаций. Это представление об искусстве, призванном заменить дискредитировавшую себя политику. Это образ художника, унижаемого, преследуемого и лишь невероятным напором

воли и граничащей со скандалом решительностью добивающегося признания. Тема по-прежнему актуальна. Искусство не то что не боготворят, но вновь преследуют физически и юридически. Отношение к нему становится все более потребительским и в чем-то даже враждебным. Дотации падают, ожидания «отдачи» от вложений, напротив, растут. Такими увидел и так описывал «Мейстерзингеров» перед премьерой режиссер Лангхоф. Сам он разделяет взгляд Вагнера на искусство как основную структуру общества, хотя и понимает утопичность такой позиции, ее детскость и мечтательно-волшебную природу.

Господин Лангхоф поддался и другому вагнеровскому искушению: публиковать одни заявления в печати и заниматься чем-то совершенно иным на сцене. Его «Мейстерзингеры» образца XXI века чем-то похожи на современный Голливуд: много действия, граничащего с «экшн», особенно в конце второго акта и на протяжении третьего (это сделано подчеркнуто кинематографично, тут и появляется видеокамера). Пока народ рассаживается на трибунах, перед ним несут то Бранденбург-

ские ворота как знак политического мира, то рекламу интернет-адреса на воздушных шарах — вот она, подлинная реальность виртуального. Зрители пару раз вскидывают руку в нацистском приветствии (все-таки Нюрнберг), а завистливый Бекмессер появляется не с дамкой, как остальные певцы, а с мужчиной своей мечты — внушительным юношей в крестьянской одежде. Зал смеется. Бавария это вам не Франция и не Испания, время однополых браков сюда еще не пришло.

В остальном же на сцене в течение шести с лишним часов — скорее эмоциональная, чем интеллектуальная история. Чувственность у Вагнера всегда переплетена с идеологией, врасдая и в проклятие нибелунгов, и в любовный яд «Тристана». Она и есть главный меседж, вбирающий в себя все остальное: критический взгляд на современность, попытку придать ей основу в виде глобального мифа, который творится на глазах, и желание отстоять при этом право художника на независимость. В общем, всем так понравилось, что уже сейчас объявили: «Мейстерзингерами» Мюнхенский фестиваль закроется и в будущем году.

06.08.06

Лангхоф Томас